

— ❦ — ЮМОРЪ — ❦ —

• Ф. М. ДОСТОЕВСКАГО. •

Двадцать иллюстрацій Е. П. САМОКИШЪ-СУДКОВОЮЮ.

Безплатная премія въ журналу „Осколки“

ЗА 1895 ГОДЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія и Литографія

Р. Р. Голинъ. Спасская, 17.

1895.

46

— ❦ — ЮМОРЪ — ❦ —

• Ф. М. ДОСТОЕВСКАГО. •

Двадцать иллюстрацій Е. П. САМОКИШЪ-СУДКОВСКОЙ.

Безплатная премія въ журналу „Осколки“

ЗА 1895 ГОДЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія и Литографія

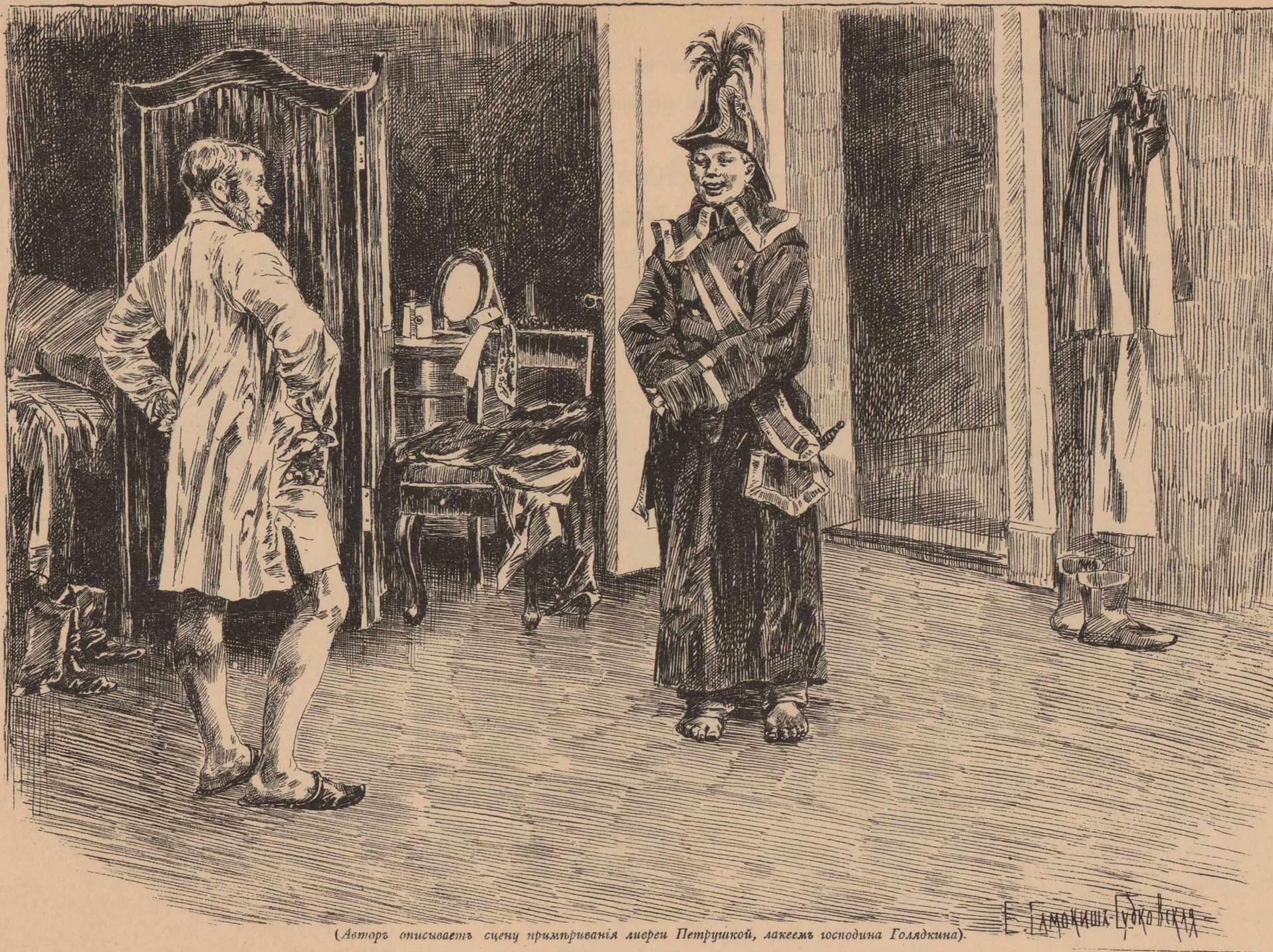

Р. Р. Голицы. Спасская, 17.

1895.

Доволено цензурою С.-Петербургъ. 3 Декабря 1895 года.

ДВОЙНИКЪ.

(Авторъ описываетъ сцену примѣриванія ливреи Петрушкой, лакеемъ господина Голядкина).

Надѣвъ ливрею, Петрушка, глупо улыбаясь, вошелъ въ комнату барина. Костюмированъ онъ былъ странно до нельзя. На немъ была зеленая, сильно подержанная лакейская ливрея, съ золотыми обсыпавшимися галу-

нами, и, повидимому, считая на человека ростомъ на цѣлый аршинъ выше Петрушки. Въ рукахъ онъ держалъ шляпу, тоже съ галунами и съ зелеными перьями, а при бедрѣ имѣлъ лакейскій мечъ въ кожаныхъ ножнахъ.

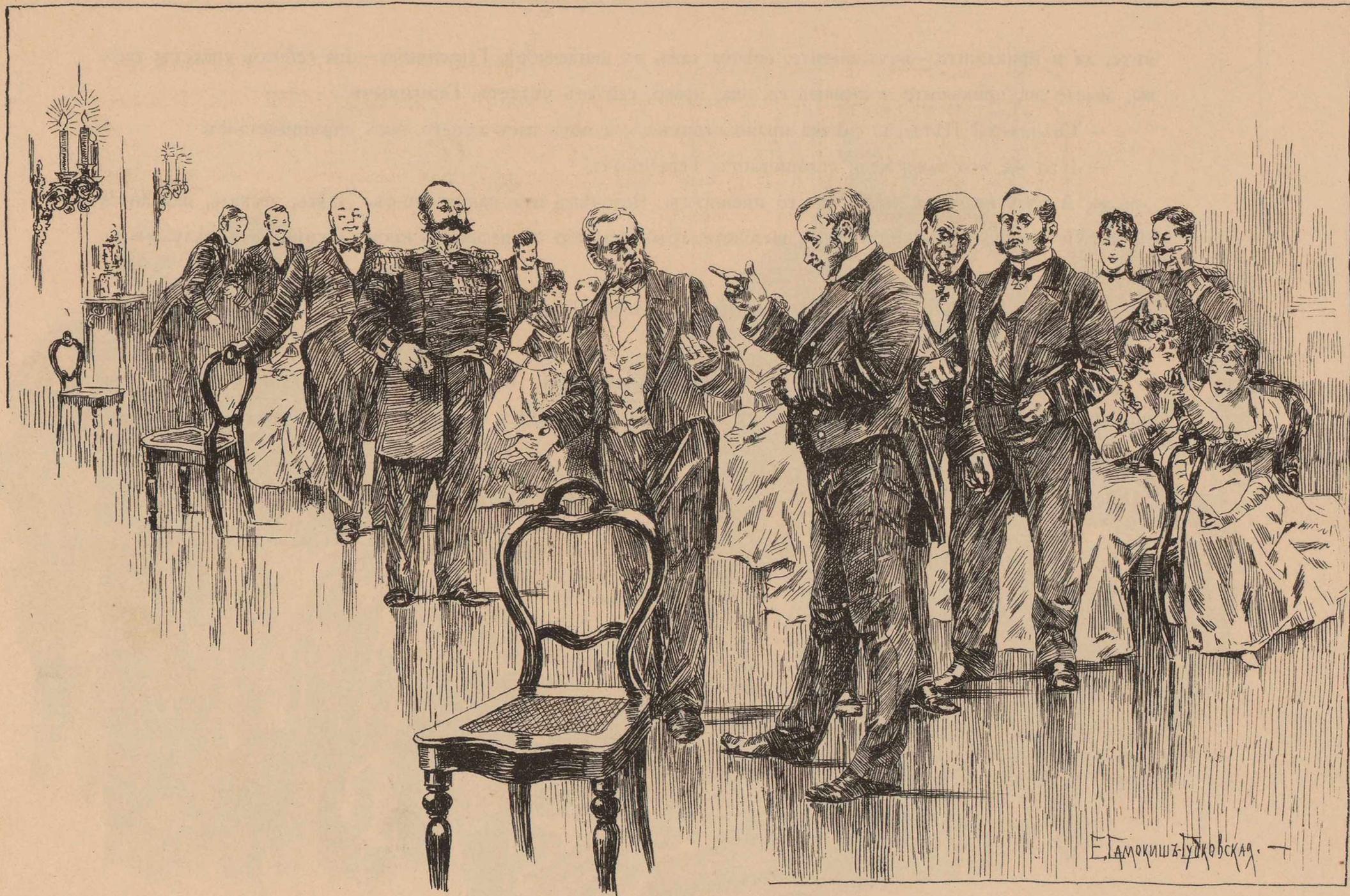
Наконецъ, для полноты картины, Петрушка, слѣдуя любимому своему обыкновению ходить всегда въ неглиже, по домашнему, былъ и теперь босикомъ. Господинъ Голядкинъ осмотрѣлъ Петрушку кругомъ и, повидимому, остался доволенъ.

(Т. I, ч. 1, гл. I, стр. 127—128).

Изд. Маркса 1894—1895 гг.

ДВОЙНИКЪ.

(Забравшаяся въ гости къ своему начальнику господина Голадкина камердинеръ Герасимычъ собирается выпроводить изъ залы и подходитъ къ непрошеному гостю. Господинъ Голадкинъ поэтому старается отвлечь вниманіе Герасимыча отъ себя).

— Видите ли, Герасимычъ, сказалъ нашъ герой, съ улыбочкой обращаясь къ Герасимычу, — вы возъ-

мите, да и прикажите,—вотъ видите, свѣчка тамъ въ канделябрѣ, Герасимычъ—она сейчасъ упадетъ: такъ вы, знаете ли, прикажите поправить ее; она, право, сейчасъ упадетъ, Герасимычъ..

— Свѣчка-съ? Нѣтъ-съ, свѣчка прямо стоитъ-съ; а вотъ васъ кто-то тамъ спрашиваетъ-съ.

— Кто же это тамъ меня спрашиваетъ, Герасимычъ?

— А ужъ право не знаю-съ, кто именно-съ. Человѣкъ отъ какихъ-то-съ. Здѣсь, дескать, находится Яковъ Петровичъ Голядкинъ? Такъ вызовите, говоритъ, его по весьма нужному и спѣшному дѣлу... вотъ какъ-съ.

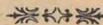
— Нѣтъ, Герасимычъ, вы ошибаетесь; въ этомъ вы, Герасимычъ, ошибаетесь.

— Сумнительно-съ..

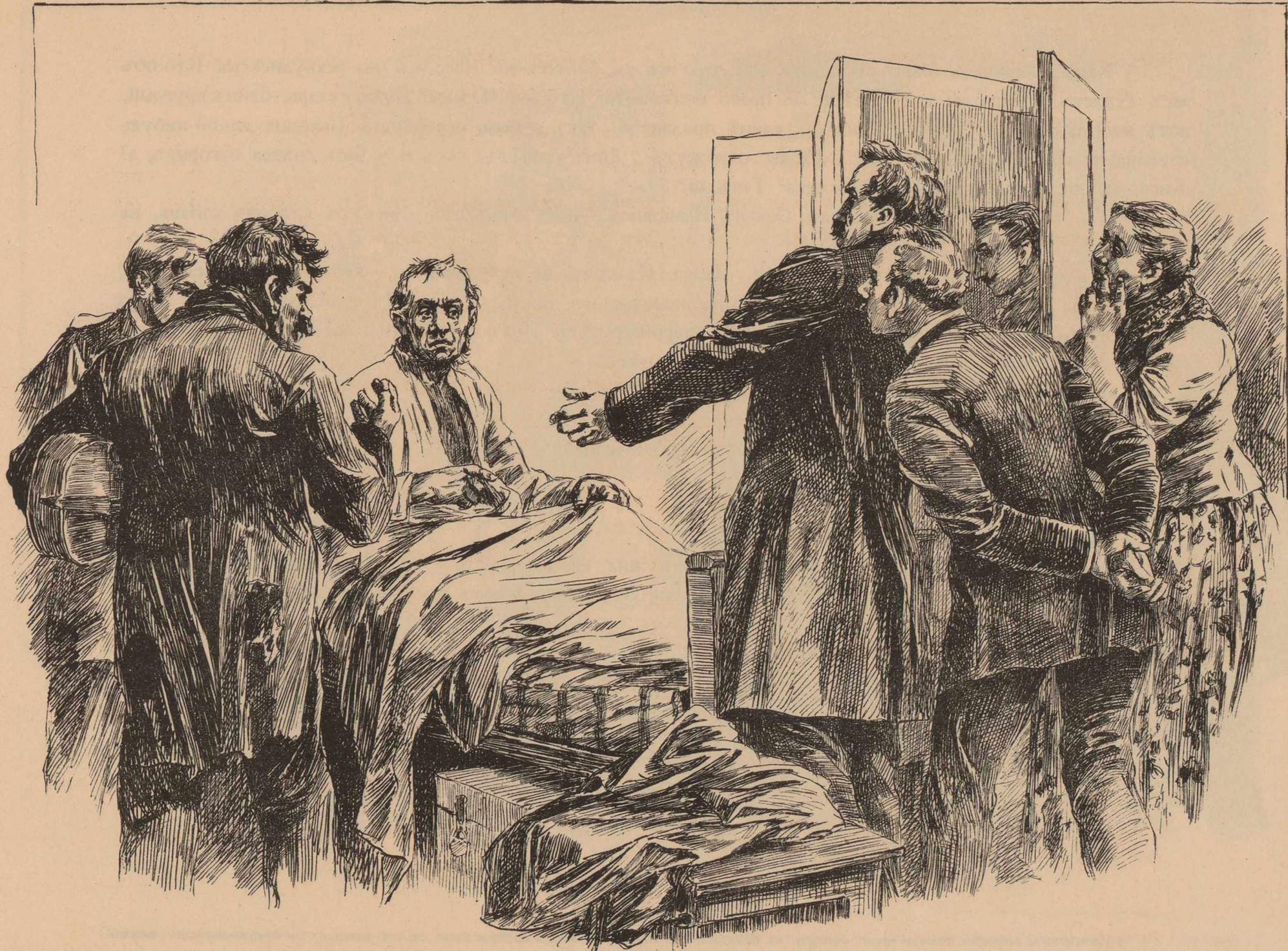
— Нѣтъ, Герасимычъ, не сумнительно; тутъ, Герасимычъ, ничего нѣтъ сумнительнаго. Никто меня не спрашиваетъ, Герасимычъ, меня некому спрашивать, а я здѣсь у себя, то-есть на своемъ мѣстѣ, Герасимычъ.

(Т. I, ч. I, гл. IV, стр. 159).

Изд. Маркса гг.1894—1895

ГОСПОДИНЪ ПРОХАРЧИНЪ.

(Въ канцеляріи, гдѣ служитъ господинъ Прохарчинъ, стали ходить упорные слухи о какихъ-то положительно фантастическихъ реформахъ. Тѣмъ не менѣе эти слухи сдѣлали изъ робкаго и наивнаго г. Прохарчина то, что онъ захворалъ. Онъ бредилъ этими реформами, ослѣдствіе чего между его сосѣдями и имъ самимъ вышла крупная ссора, въ которой особенно нападали на Прохарчина—Маркъ Ивановичъ, жилецъ, писавшій стихи).

См. на оборотѣ.

— Какъ! закричалъ Маркъ Ивановъ,—да чего жъ вы боитесь-то? Чего жъ вы рехнулись-то? Кто объ васъ думаетъ, сударь вы мой? Имѣете ли право бояться-то? Кто вы? Что вы? Нуль, сударь, блинъ круглый, вотъ что! Что вы стучите-то? Бабу на улицѣ придавило, такъ и васъ переѣдетъ? Пьяница какой-нибудь кармана не сберегъ, такъ и вамъ фалды отрѣжутъ? Домъ сгорѣлъ, такъ и у васъ голова отгоритъ, а? Такъ, что ли, сударь? Такъ ли, батюшка? Такъ ли?

— Ты, ты, ты глупъ! бормоталъ Семень Ивановичъ,—носъ отъѣдятъ, самъ съ хлѣбомъ съѣшь, не замѣтишь...

— Каблукъ, пусть каблукъ! кричалъ Маркъ Ивановъ, не вслушавшись,—каблуковый я человѣкъ, пожалуй. Да вѣдь мнѣ не экзаменъ держать, не жениться, не танцамъ учиться*); подо мной, сударь, мѣсто не сломится. Что, батюшка? Такъ вамъ и мѣста широкаго нѣтъ? Полъ тамъ подъ вами провалится, что ли?

— А что? Тебя, что ли, спросятъ? Закроютъ и нѣтъ...

— Нѣтъ. Что закроютъ?! Что тамъ еще у васъ, а?

— А вотъ пьянчужку ссадили...

— Ссадили; да вѣдь тоже пьянчужка, а вы да я—человѣкъ!

— Ну, человѣкъ. А она стоитъ, да и нѣтъ...

— Нѣтъ! Да кто она-то?

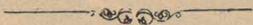
— Да она, канцелярія... Кан-це-ля-рія!!!

— Да, блаженный вы человѣкъ! Да вѣдь она нужна, канцелярія-то...

— Она нужна, слышь ты; и сегодня нужна, завтра нужна, а вотъ послѣзавтра какъ-нибудь тамъ и ненужно. Вонъ, слышалъ исторію...

(Т. I, ч. 2, стр. 303—304).

Изд. Маркса, 1894—1895 гг.

*) По слухамъ, реформы должны были состоять въ слѣдующемъ: чиновники якобы должны были сдвать экзаменъ въ образованности, должны были всѣ непременно пожениться, выучиться танцовать и т. п.

ПОЛЗУНКОВЪ.

(Ползуновъ началъ разсказывать случившуюся съ нимъ исторію; одинъ изъ слушателей, по поводу нѣкоторыхъ его словъ, замѣтилъ ему, что «тутъ пахнетъ взятками»).

См. на оборотѣ.

— Взятками-съ! подхватилъ Ползунковъ.—Эхъ!

Пусть я буду либераломъ,

Какихъ много видѣлъ я!

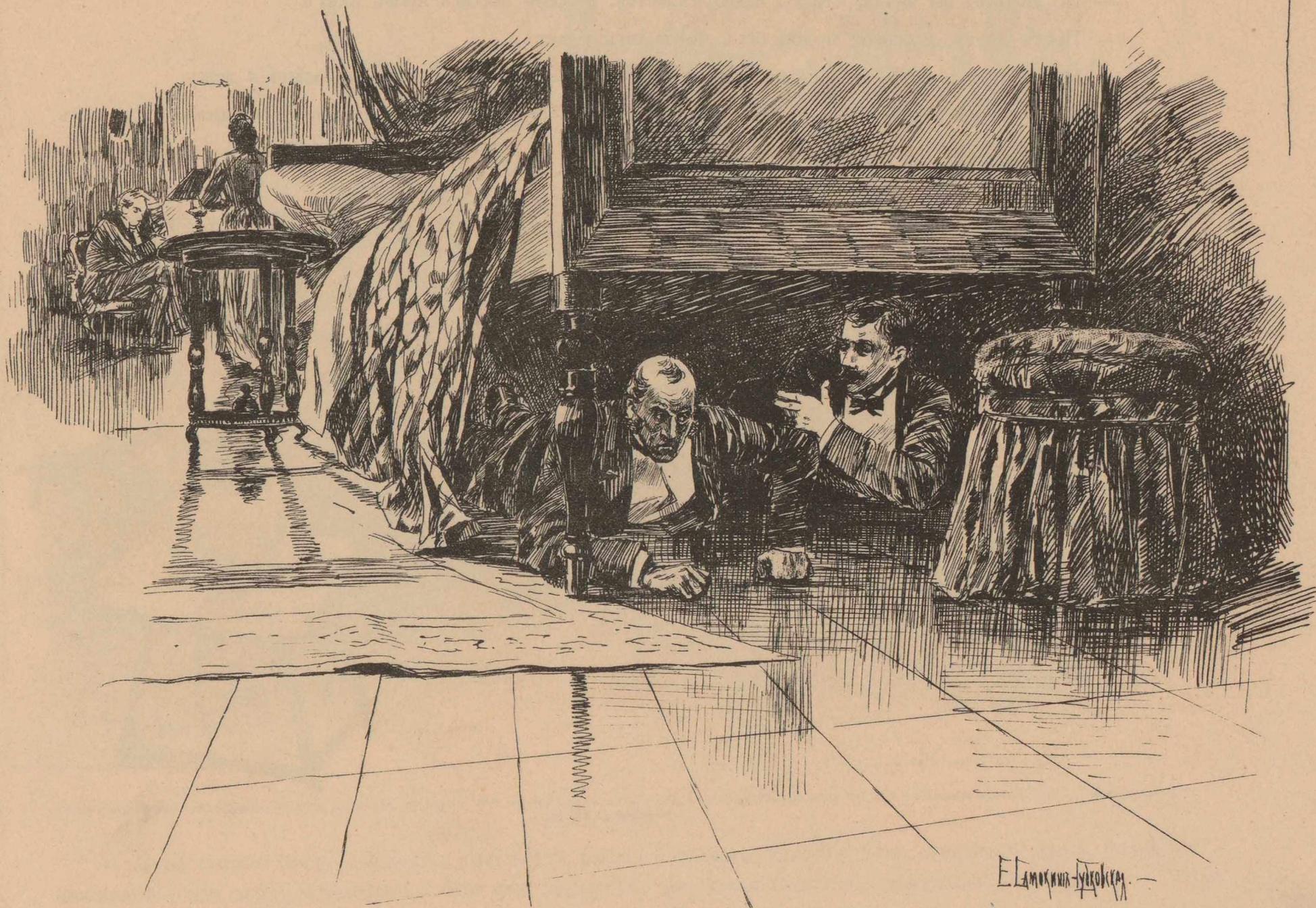
Если вы тоже, какъ вамъ попадется служить въ губерніи, не погрѣете рукъ... на родномъ очагѣ.
Зане, сказалъ одинъ литераторъ:

И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ!

Мать, мать, господа, родная, родина-то наша, мы птенцы, такъ мы ее и сосемъ!

(Т. I, ч. 2, стр. 409).
Изд. Маркса 1894—1895 гг.

ЧУЖАЯ ЖЕНА И МУЖЬ ПОДЪ КРОВАТЮ.

Е. С. ДАМИКИНЪ-ГУКОВСКІЙ.

(Авторъ описываетъ ревниваго мужа, забравшагося въ чужую квартиру, въ спальню, подъ кровать, идя онъ встрѣтилъ другою человѣка. Второй все время унималъ первого, чтобы ихъ не обнаружилъ мужъ той особы, въ спальней которой они находились).

— Слышите, вы такъ возитесь, что и онъ услыхалъ, прошепталъ молодой человѣкъ.

— Но если-бы вы знали, что со мною дѣлается. У меня носомъ кровь идетъ.

— Пусть идетъ, молчите; подождите, когда онъ уйдетъ.

— Молодой человѣкъ, но вникните въ мое положеніе: вѣдь я не знаю, съ кѣмъ я лежу.

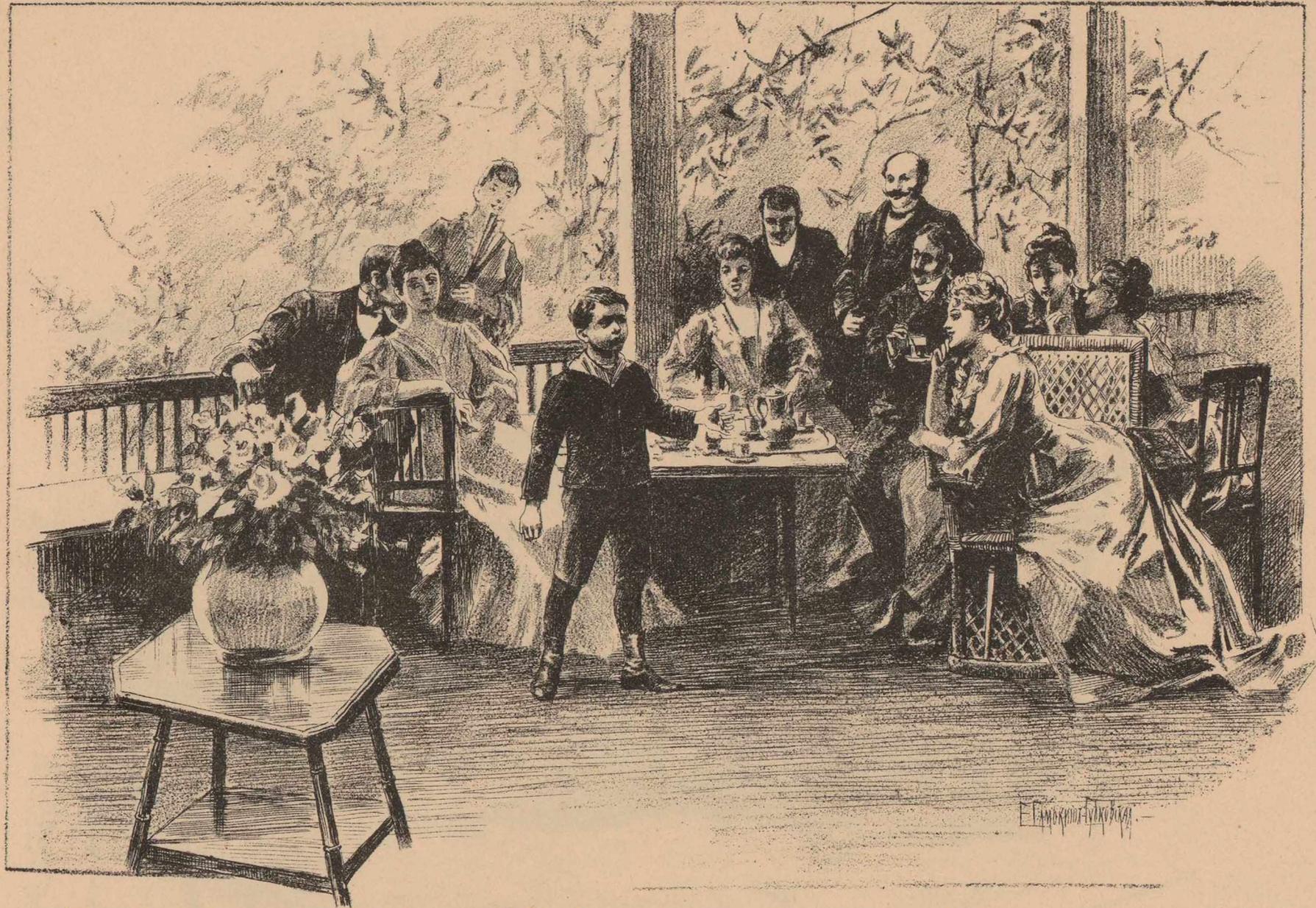
— Да легче вамъ отъ этого будетъ, что ли? Вѣдь я не интересуюсь знать вашу фамилію. Ну, какъ ваша фамилія?

— Нѣтъ, зачѣмъ-же фамилію...

(Т. I, ч. 2, стр. 489).

Изд. Маркса 1894—1895 гг.

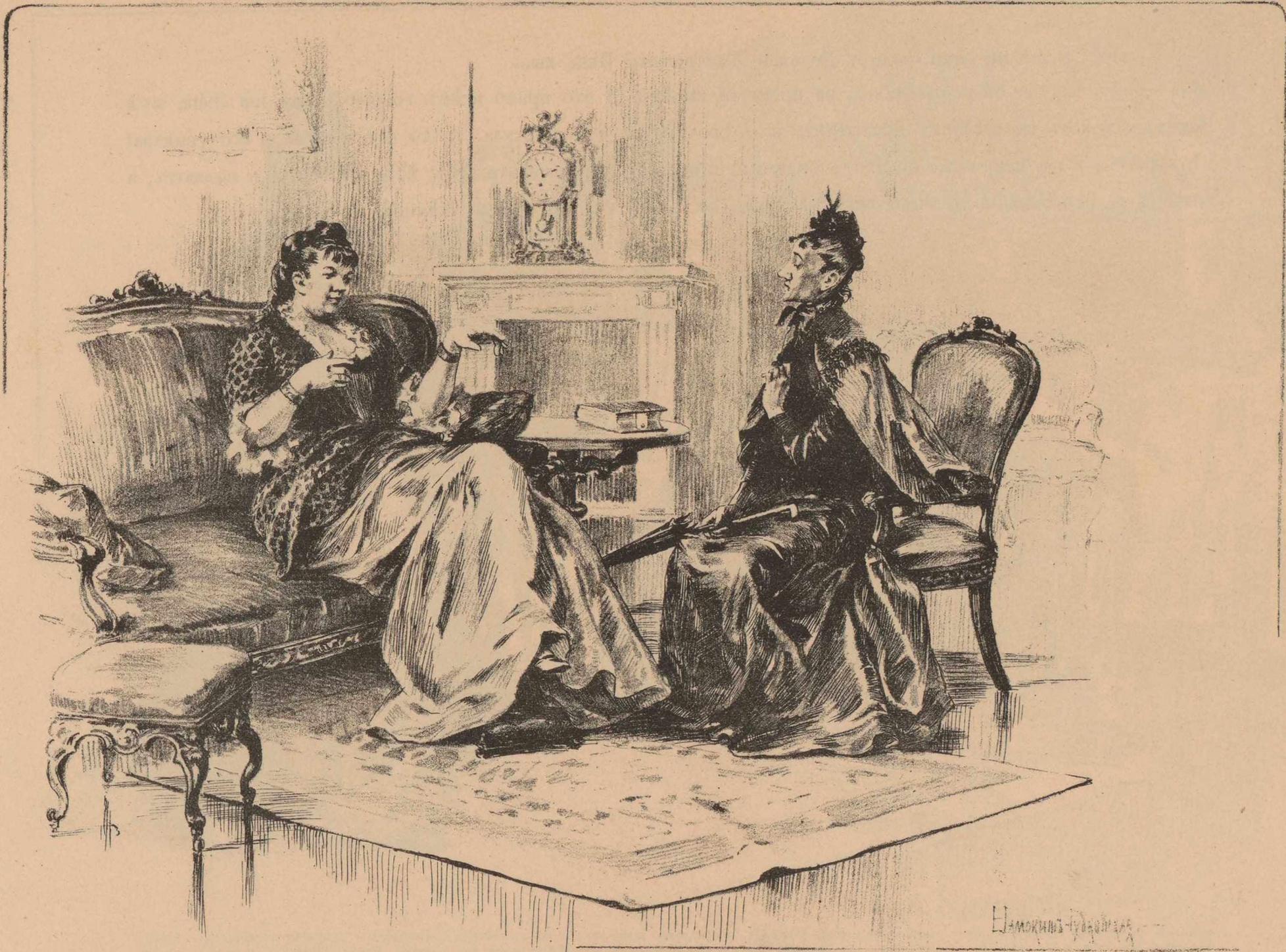
МАЛЕНЬКІЙ ГЕРОЙ.

(Маленькій герой, одиннадцати-лѣтній мальчикъ, котораго одна изъ дамъ уличила въ то, что онъ влюбленъ въ т-ту М^н, выскочилъ изъ-за стола и, подбѣжавъ къ ней, закричалъ:

— И не стыдно вамъ... вслухъ... при всѣхъ дамахъ... говорить такую худую... неправду!? Вамъ, точно маленькой... при всѣхъ мужчинахъ... Что они скажутъ?.. вы—такая большая... замужняя!..

ДЯДЮШКИНЪ СОНЪ.

(Марью Александровну Москалеву посетила одна мстительная сплетница, полковница Карпухина. Полковница начала рассказывать про свой визитъ къ г-жѣ Паскудиной которая недѣлю тому назадъ помогла Аннѣ Николаевнѣ Антиповой выгнать полковницу изъ дома Анны Николаевны. Марья Александровна удивилась).

См. на оборотѣ.

— Но... развѣ вы сами были у Натальи Дмитріевны? Вѣдь вы...

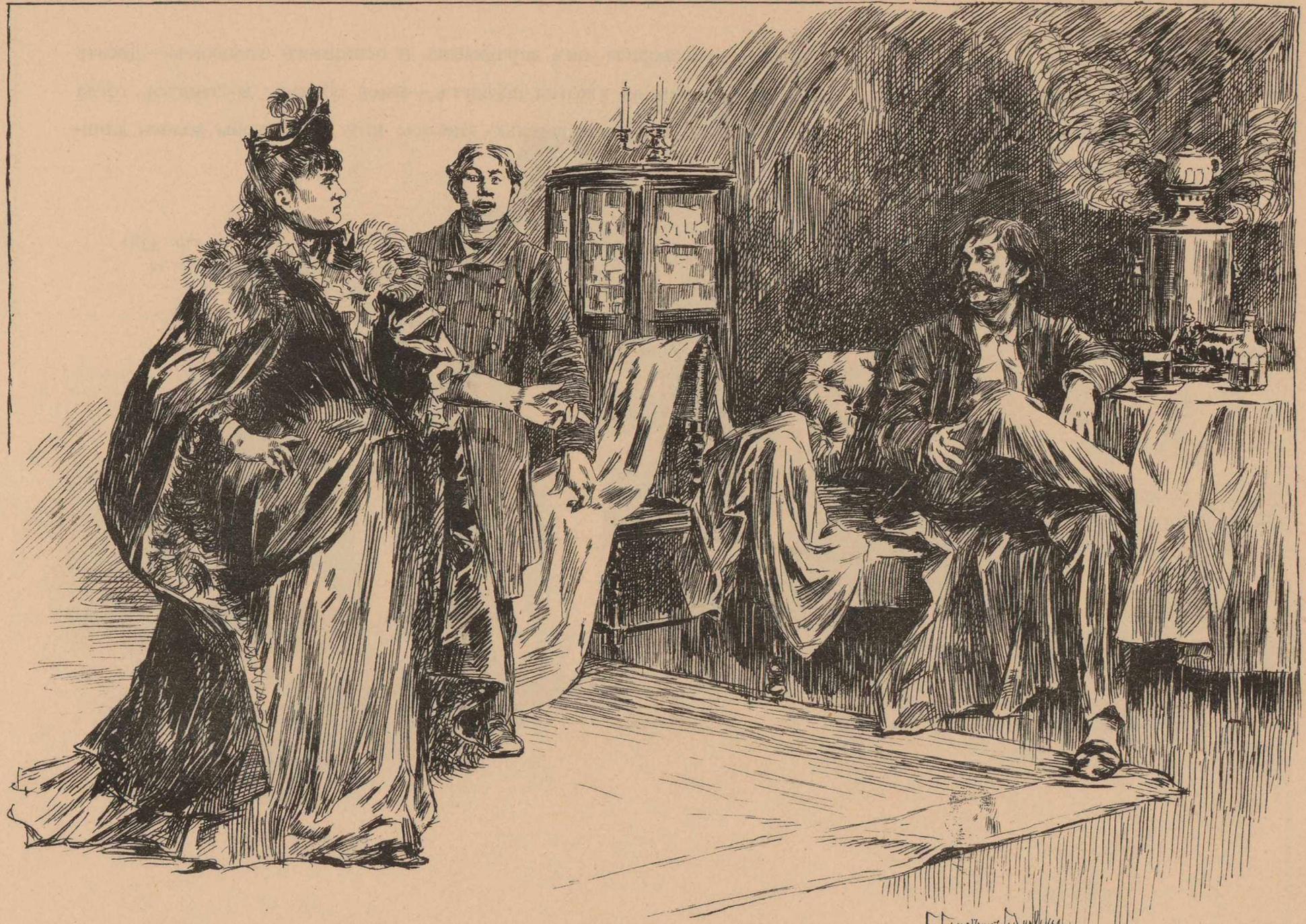
— Ну, да, она меня оскорбила на прошлой недѣлѣ. Я это прямо всѣмъ говорю. Mais, ma chère, мнѣ захотѣлось хоть въ щелочку посмотрѣть на этого князя, я и пріѣхала. А то гдѣ-жъ бы я его увидала? Поѣхала-бы я къ ней, кабы не этотъ скверный князишка! Представьте себѣ: всѣмъ шоколадъ подаютъ, а мнѣ нѣтъ, и все время со мной хоть-бы слово. Вѣдь это она нарочно... Кадушка этакая!

(Т. II, ч. I, гл. VI, стр. 302).

Изд. Маркса 1894—1895 гг.

ДЯДЮШКИНЪ СОНЪ.

Е. С. МОКШИЦА

(Марья Александровна прѣѣхала въ отдаленную деревеньку, гдѣ она поселила своего мужа. Прѣѣхавъ туда, она увидѣла, что только-что прѣшедшій изъ бани мужъ ея сидитъ и отдувается чаемъ. Выразивъ по этому поводу свое негоддованіе, она затѣмъ кинулась на лакея Гришку, пробирая его за то, что баринъ не выстриженъ).

См. на оборотѣ.

— Да не даются, оттого и не стригъ, проговорилъ онъ ворчливымъ и осипшимъ голосомъ.—Десять разъ съ ножницами приходилъ,—вотъ, говорю, барыня ужотка пріѣдетъ,—намъ обоимъ достанется, тогда чего станемъ дѣлать? Нѣтъ, говорятъ, подожди, я къ воскресенью завьюсь; мнѣ надо чтобы волосы длинные были.

(Т. II, ч. 2, гл. X, стр. 338).

Изд. Маркса 1894—1895 гг.

СЕЛО СТЕПАНЧИКОВО.

(Пріѣхавшій въ Степанчиково молодой человекъ, племянникъ владѣльца села, занимаясь туалетомъ, замѣтилъ субъекта, который копался въ его чемоданъ и, вынувъ галстуки, спрашивалъ: «Аделаидина цвѣта изволите галстукъ надѣть, или этотъ, съ мелкими клетками?»)

— Такъ этотъ галстукъ аделаидина цвѣта? спросилъ я, строго посмотрѣвъ на молодого лакея.

- Аделаидина-сь, отвѣчалъ онъ съ невозмутимою деликатностью.
- А аграфенина цвѣта нѣтъ?
- Нѣтъ-сь. Такого и быть не можетъ-сь.
- Это почему?
- неприличное имя Аграфена-сь.
- Какъ неприличное? Почему?
- Извѣстно-сь: Аделаида, по крайней мѣрѣ, иностранное имя, облагороженное-сь; а Аграфеной могутъ называть всякую послѣднюю бабу-сь.
- Да ты съ ума сошелъ, или нѣтъ?
- Никакъ нѣтъ-сь, я при своемъ умѣ-сь. Все—конечно, воля ваша обзывать меня всяческими словами; но разговоромъ моимъ многіе генералы и даже нѣкоторые столичные графы оставались довольны-сь.

(Т. II, гл. III, стр. 438—439).

Изд. Маркса 1894—1895 гг.

СЕЛО СТЕПАНЧИКОВО.

(Ома Омичъ накрылъ дворовою парня Далалея за пляской и поэтому велѣлъ его отвести на судъ въ комнату, идъ за чаемъ сидѣли сами господа и ихъ гости. Вельѣ Далалея камердинеръ Гаврила, послѣ чего явился и самъ Ома Омичъ и усялся въ свое кресло).

— Я пришелъ ему сдѣлать экзамень. Есть, видите-ли, Павелъ Семенычъ (Ома Омичъ обращался

къ одному изъ гостей, Обноскову), люди, которымъ желательно развратить и погубить этого жалкаго идиота. Можетъ быть, я строго сужу, ошибаюсь; но я говорю изъ любви къ человѣчеству. Онъ плясалъ сейчасъ самый неприличный изъ танцевъ. Никому здѣсь до этого нѣтъ и дѣла. Но, вотъ сами послушайте... Отвѣчай: что ты дѣлалъ сейчасъ? Отвѣчай-же, отвѣчай немедленно—слышишь?

— Пля—саль... проговорилъ Фалалей, усиливая рыданія.

— Что-же ты плясалъ? Какой танецъ? Говори-же!

— Комаринскаго ..

— Комаринскаго! А кто этотъ комаринскій? Что такое комаринскій? Развѣ я могу понять что-нибудь изъ этого отвѣта? Ну же, дай намъ понятіе: кто такой твой комаринскій?

— Мужикъ...

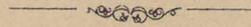
— Мужикъ! Только мужикъ? Удивляюсь! Значитъ, замѣчательный мужикъ, если о немъ уже сочиняютъ поэмы и танцы? Ну, отвѣчай же!

— Отвѣчай-же! настаиваетъ Оома,—тебя спрашиваютъ: какой это мужикъ? Говори-же!.. Господскій-ли, казенный-ли, вольный, обязанный, экономическій? Много есть мужиковъ...

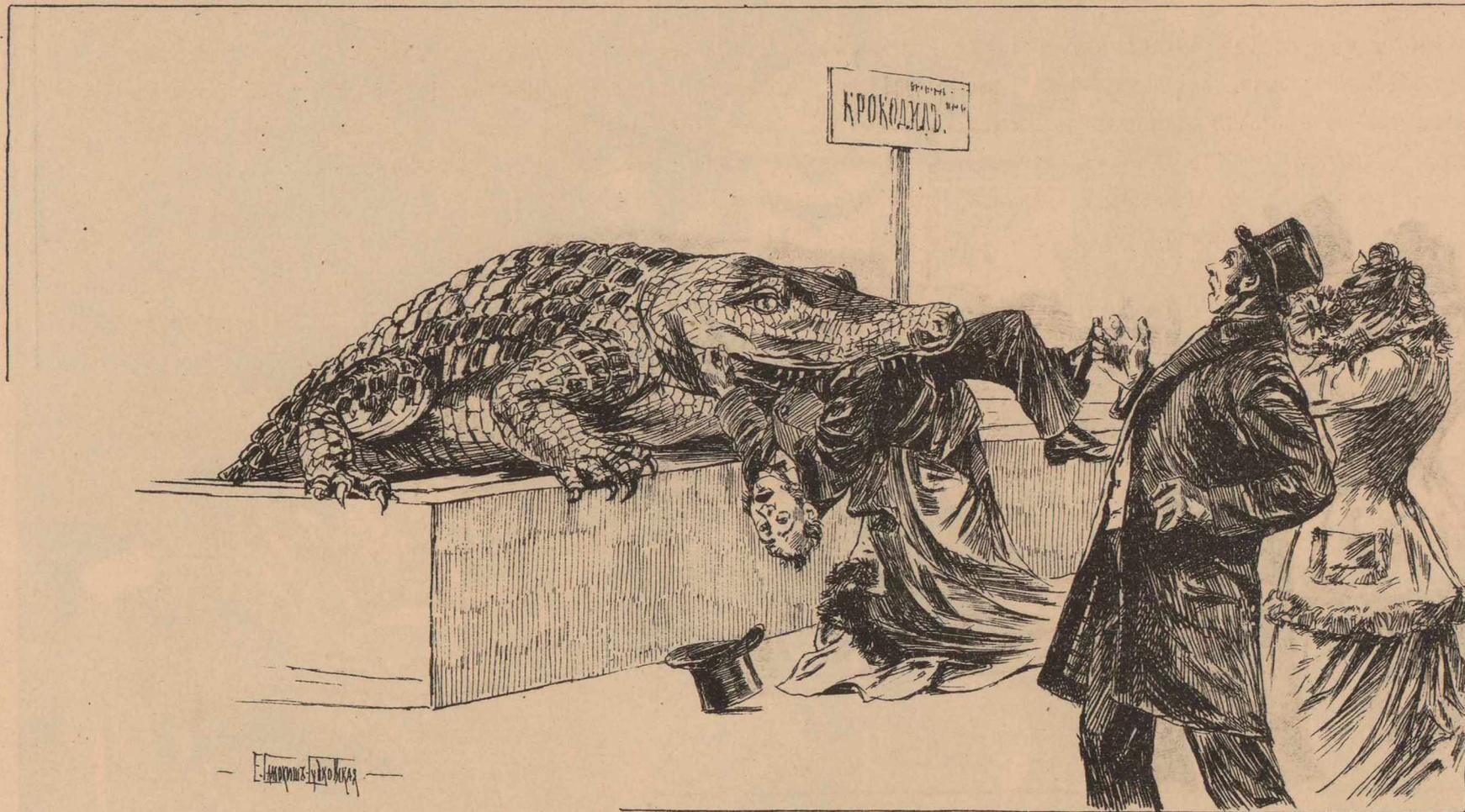
— Э-ко-но-ми-ческій...

(Т. II, гл. VII, стр. 471).

Изд. Маркса 1894—1895 гг.

КРОКОДИЛЬ.

(Авторъ описываетъ «неожиданное событіе», какъ крокодилъ проглотилъ чиновника Ивана Матвѣича и устами другою дѣйствующаго лица, Семена Семеновича, говоритъ:

Не зная, что подумать, я сначала оледенѣлъ на мѣстѣ; но замѣчая, что кричитъ уже и Елена Ивановна, быстро оборотился и—что же увидѣлъ я! Я увидѣлъ, о, Боже! — я увидѣлъ несчастнаго Ивана Матвѣича въ ужасныхъ челюстяхъ крокодиловыхъ, перехваченнаго ими поперегъ туловища, уже поднятаго горизонтально на воздухъ и отчаянно болтавшаго въ немъ ногами.

УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ.

(Послѣ прочтенія молодымъ авторомъ своего перваго романа старикамъ Ихменевымъ, они начали толковать по этому поводу).

— Ну, братъ Ваня, хорошо, хорошо! Утѣшил! Такъ утѣшил, что я даже и не ожидалъ. Не высокое, не великое, это видно... Вонъ у меня тамъ «Освобожденіе Москвы» лежитъ, въ Москвѣ-же и сочинили,

ну, такъ оно съ первой строки, братецъ, видно, что, такъ сказать, орломъ воспарилъ человѣкъ... Но знаешь-ли, Ваня, у тебя оно какъ-то проще, понятнѣе. Вотъ именно за то и люблю, что понятнѣе! Роднѣе какъ-то оно; какъ будто со мной самимъ это случилось. А то что высокое-то? И самъ-бы не понималъ. Слогъ-бы я выправилъ; я вѣдь хвалю, а что ни говори, все-таки мало возвышеннаго.. Ну, да ужъ теперь поздно: напечатано. Развѣ во второмъ изданіи? А что, братъ, вѣдь и второе изданіе чай будетъ? Тогда опять деньги... Гм!

— И неужели вы столько денегъ получили, Иванъ Петровичъ? замѣтила Анна Андреевна. — Гляжу на васъ и все какъ-то не вѣрится. Ахъ ты, Господи, вотъ вѣдь за что теперь деньги стали давать!

— Знаешь, Ваня, продолжалъ старикъ, увлекаясь все болѣе и болѣе,—это хоть не служба, за то все-таки карьера. Прочтутъ и высокія лица. Вотъ, ты говорилъ, Гоголь вспоможеніе ежегодно получаетъ и за границу посланъ. А что, если-бъ и ты? А? Или еще рано? Надо еще что-нибудь сочинить? Такъ сочиняй, братъ, сочиняй поскорѣе! Не засыпай на лаврахъ. Чего глядѣть-то!

И онъ говорилъ это съ такимъ убѣжденнымъ видомъ, съ такимъ добродушіемъ, что недоставало рѣшимости остановить и расхолодить его фантазію.

— Или вотъ, на примѣръ, табакерку дадутъ... Что-жъ? На милость вѣдь нѣтъ образца. Поощрить захотятъ. А кто знаетъ, можетъ и ко двору попадешь, прибавилъ онъ полушопотомъ и съ значительнымъ видомъ, прищутивъ свой лѣвый глазъ,—или нѣтъ? Или еще рано ко двору-то?

— Ну, ужъ и ко двору! сказала Анна Андреевна, какъ будто обидѣвшись.

(Т. IV, ч. 1, гл. VI, стр. 30).

Изд. Маркса, 1894—1895 гг.

ВѢЧНЫЙ МУЖЪ.

Е. ЛАМОКИНЪ СЪЮРКОВСКАЯ

(Алексей Иванович Вельчаниновъ, проѣзжая по желѣзной дорогѣ, на одной изъ станцій, въ залъ для пассажировъ перваго класса былъ свидѣтелемъ тому, какъ одна дама, замѣчательно хорошенькая, но что-то слишкомъ пышно разодѣтая для путешественницы, почти тащила обѣими руками очень молоденькаго и красиваго.

См. на оборотѣ

улана, который столкнулся съ закутвишимъ купчикомъ. Вышла ссора, во время которой купчикъ обручалъ даму улана. Офицеръ было ринулся на оскорбителя но не удержавшись на ногахъ, шлепнулся на стуль. Тогда за оскорбленную даму вступился Вельчаниновъ, схватилъ купчика за шиворотъ и откинулъ въ сторону, послѣ чего оскорбитель былъ подхваченъ товарищами и уведенъ).

Дама, краснѣя и чуть не со слезами начала изливаться въ увѣреніяхъ о своей благодарности. Уланъ бормоталъ: «балдарю! балдарю!» и хотѣлъ было протянуть Вельчанинову руку, но вмѣсто того, вдругъ вздумалъ улечься на стульяхъ и протянулся на нихъ съ ногами.

.....

Дама горячо рассказывала и жаловалась на своего мужа, который вдругъ изъ вагона куда-то скрылся и отъ этого все и произошло, потому что онъ вѣчно, когда надо тутъ быть, куда-то и скроется.

— По надобности... пробормоталъ уланъ.

— Ахъ, Митинька! всплеснула опять она руками.

«Ну, достанется же мужу!» подумалъ Вельчаниновъ.

— Какъ его зовутъ? Я пойду и отыщу его, предложилъ онъ.

— Паль-Палычъ, отозвался уланъ.

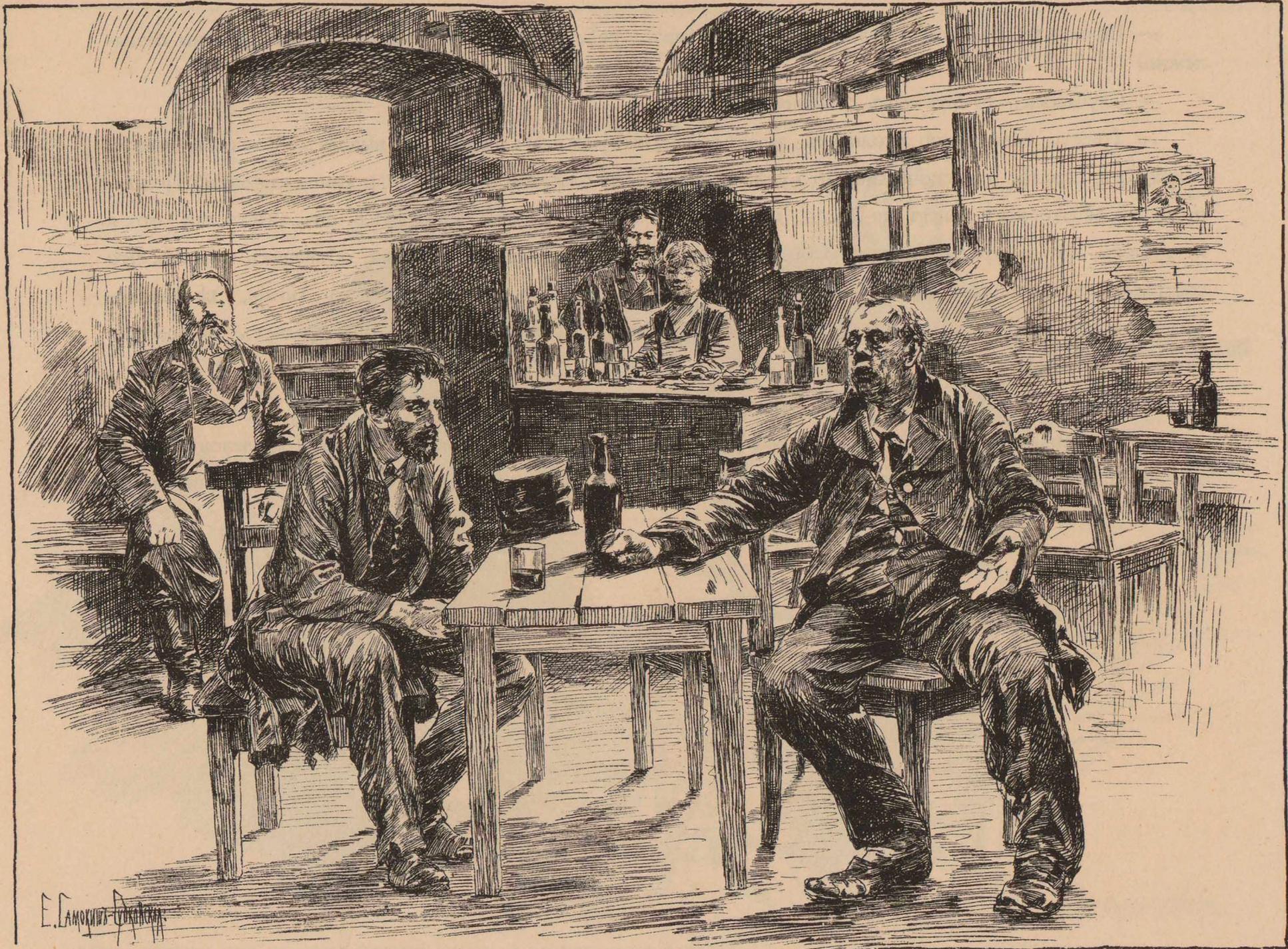
— Вашего супруга зовутъ Павломъ Павловичемъ? съ любопытствомъ спросилъ Вельчаниновъ, и вдругъ знакомая ему лысая голова просунулась между нимъ и дамой...

(Т. IV, ч. 2, гл. XVII, стр. 501—502, изд. 1894 г.).

Изд. Маркса 1894—1895 гг.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

(Мармеладовъ, подсыпавъ въ рюмку водку къ Раскольникову и заговоривъ съ нимъ, послѣ нѣсколькихъ фразъ и вопросовъ между прочимъ спросилъ:

См. на оборотѣ.

— Позвольте, молодой человекъ, случилось вамъ... гм!.. ну, хотъ испрашивать денегъ займы безнадежно?

— Случалось... то-есть какъ безнадежно?

— То-есть, безнадежно вполне-съ, заранѣе зная, что изъ сего ничего не выйдетъ. Вотъ вы знаете, наприимѣръ, заранѣе и досконально, что сей человекъ, сей благонамѣреннѣйшій и наиплезнѣйшій гражданинъ, ни за что вамъ денегъ не дастъ, ибо зачѣмъ, спрошу я, онъ дастъ? Вѣдь онъ знаетъ же, что я не отдамъ. Изъ состраданія? Но г. Лебезятниковъ, слѣдящій за новыми мыслями, объяснялъ намеренія, что состраданіе въ наше время даже наукой воспрещено, и что такъ уже дѣлается въ Англіи, гдѣ политическая экономія. Зачѣмъ же, спрошу я, онъ дастъ? И вотъ, зная впередъ, что онъ не дастъ, вы все-таки отправляетесь въ путь и..

— Для чего же ходить? прибавилъ Раскольниковъ.

— А коли не къ кому, коли идти больше некуда! Вѣдь надобно же, чтобы всякому человеку хотъ куда-нибудь можно было пойти. Ибо бываетъ такое время, когда непременно надо хотъ куда-нибудь да пойти!

(Т. V, ч. 1, гл. II, стр. 14—15).

Изд. Маркса 1894—1895 гг.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Е. АМОКИШЬ-ЛУДКОВСКАЯ

(Авторъ описываетъ сцену, въ которой Разумихинъ является къ выздоравливающему Раскольнику съ покупками по части возобновленія гардероба послѣдняю).

— Ну-съ, приступимъ теперь къ сапогамъ, — каковы? Вѣдь ужъ видно, что поношенные, а вѣдь мѣсяца

на два удовлетворятъ, потому что заграничная работа и товаръ заграничный: секретарь англійскаго посольства прошлую недѣлю на толкучемъ спустиль; всего шесть дней и носиль, да деньги очень понадобились. Цѣна одинъ рубль пятьдесятъ копѣекъ. Удачно?

— Да може не впору! замѣтила Настасья.

(Т. V, ч. 2, гл. III, стр. 130).

Изд. Маркса 1894—1895 гг.

— * * * —

ИДИОТЪ.

Е. Ламокишъ - Гудковская.

(Помѣшанный генералъ Иволинъ разсказывалъ князю Мишкину объ его отцѣ, котораго не зналъ, какъ о своемъ хорошемъ и близкомъ знакомомъ. Дѣло коснулось тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ умеръ князь Мишкинъ).

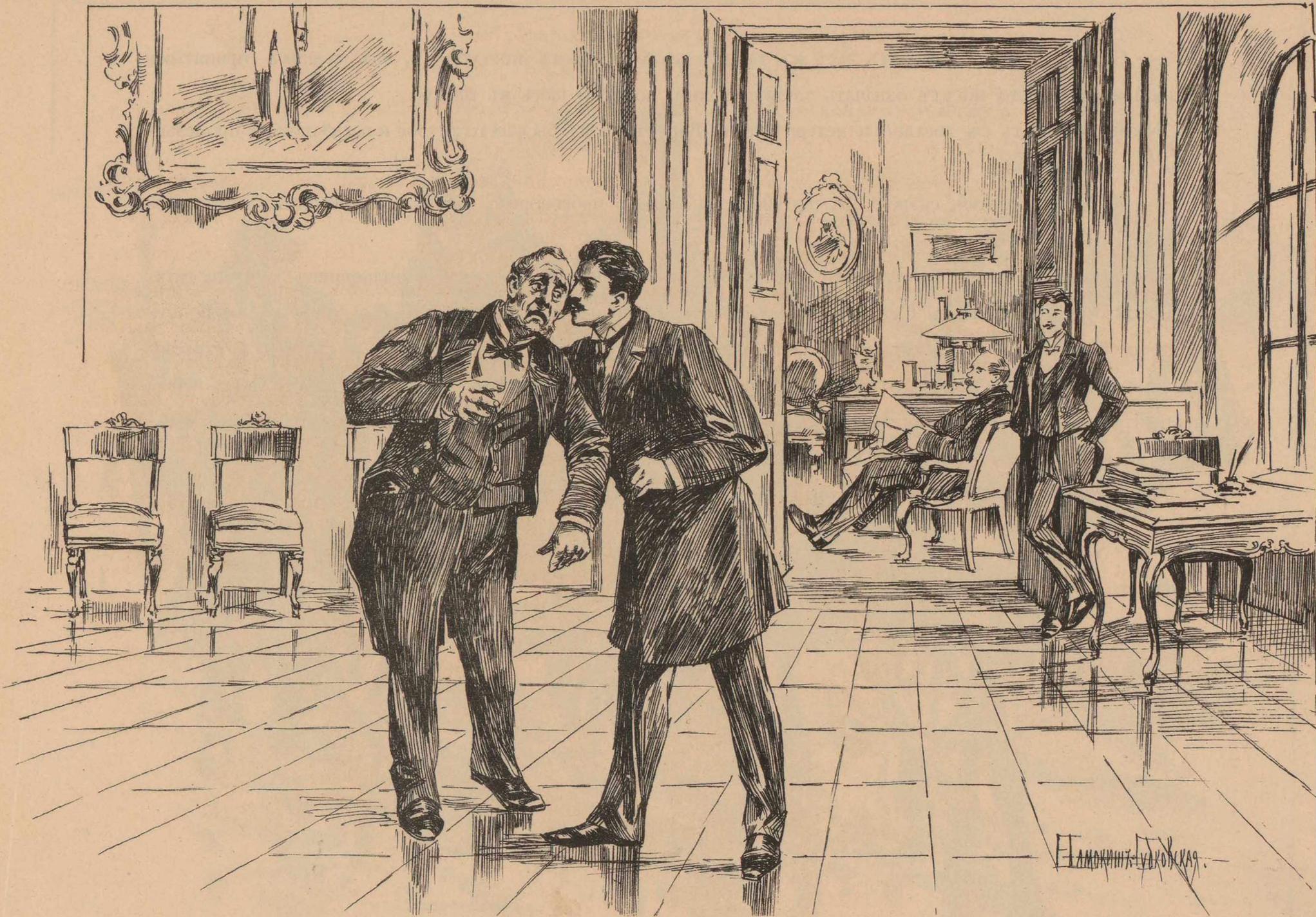
— Отецъ мой вѣдь умеръ подъ судомъ, замѣтилъ князь,—хоть я никогда не могъ узнать, за что именно; онъ умеръ въ госпиталѣ.

— О, это по дѣлу о рядовомъ Колпаковѣ, и, безъ сомнѣнія, князь былъ бы оправданъ.

— Такъ? Вы навѣрно знаете? спросилъ князь съ особеннымъ любопытствомъ.

— Еще бы! вскричалъ генераль. — Судь разошелся, ничего не рѣшивъ. Дѣло невозможное! Дѣло даже, можно сказать, таинственное: умираетъ штабсъ-капитанъ Ларионовъ, ротный командиръ; князь на время назначается исправляющимъ должность; хорошо. Рядовой Колпаковъ совершаетъ кражу, — сапожный товаръ у товарища, — и пропиваетъ его; хорошо. Князь, — и, замѣтьте себѣ, это было въ присутствіи фельдфебеля и капральнаго, — распекаетъ Колпакова и грозитъ ему розгами. Очень хорошо. Колпаковъ идетъ въ казармы, ложится на нары и черезъ четверть часа умираетъ. Прекрасно, но случай неожиданный, почти невозможный. Такъ, или этакъ, а Колпакова хоронятъ: князь рапортуетъ, и затѣмъ Колпакова исключаютъ изъ списковъ. Кажется, чего бы лучше? Но ровно черезъ полгода, на бригадномъ смотрѣ, рядовой Колпаковъ, какъ ни въ чемъ не бывало, оказывается въ третьей ротѣ второго баталіона Новоземлянскаго пѣхотнаго полка, той же бригады и той же дивизіи!

(Т. VI, ч. 1, гл. VIII, стр. 104—105).
Изд. Маркса 1894—1895 гг.

Е. А. ИВАНОВА

(Николай Всеволодовичъ, или, какъ его называютъ аиторъ, принцъ Гарри, былъ призванъ губернаторомъ для объясненій по поводу скандала въ клубъ, совершеннаго «принцемъ Гарри»).

См. на оборотѣ.

— Скажите, что побуждаетъ васъ къ такимъ необузданнымъ поступкамъ, внѣ всякихъ принятыхъ условій и мѣръ? Что могутъ означать такія выходки, подобно какъ въ бреду?

Nicolas слушалъ съ досадою и нетерпѣніемъ. Вдругъ, какъ-бы что-то хитрое и насмѣшливое промелькнуло въ его взглядѣ.

— Я вамъ, пожалуй, скажу, что побуждаетъ, угрюмо проговорилъ онъ и, оглядѣвшись, наклонился къ уху Ивана Осиповича.

Воспитанный Алеша Телятниковъ отдалился еще шага на три къ окну, а полковникъ кашлянулъ за «Голосомъ». Бѣдный Иванъ Осиповичъ поспѣшно и доверчиво протянулъ свое ухо; онъ до крайности былъ любопытенъ. И вотъ тутъ-то и произошло нѣчто совершенно невозможное, а съ другой стороны и слишкомъ ясное въ одномъ отношеніи. Старичокъ вдругъ почувствовалъ, что Nicolas, вмѣсто того, чтобы прошептать ему какой-нибудь интересный секретъ, вдругъ прихватилъ зубами и довольно крѣпко стиснулъ въ нихъ верхнюю часть его уха. Онъ задрожалъ, и духъ его прервался.

— Nicolas, что за шутки! простоналъ онъ машинально, не своимъ голосомъ.

(Т. VII, ч. I, гл. вторая, стр. 48—49).

Изд. Маркса, 1894—1895 гг.

Е. Гладишъ-Гудковъ

(Степанъ Трофимычъ, изъ опасенія женитьбы для прикрытiя «чужихъ грѣховъ», рѣшилъ бросить насиженное имѣ, отеченiи двадцати лѣтъ, мѣсто въ домъ Варвары Петровны Ставрониной. Вслѣдствiе этого онъ и очутился рано утромъ на большой дорогѣ, гдѣ его догнала телѣга съ пѣхавшимъ на ней мужикомъ и

См. на оборотѣ.

бабой, которые и предложили подвезти его. Согласившись влзть на телму, онъ однако не догадался пообшцать запланить за это, а потому продолжалъ идти около телми, удивляясь почему-же его не сажаютъ. Наконецъ,—

Геніальная догадка мелькнула въ его головѣ.

— Вы, можетъ быть, думаете, что я... Со мной паспортъ и я—профессоръ, то-есть, если хотите, учитель... но главный. Я главный учитель. Oui, c'est comme ça qu'on peut traduire. Я бы очень хотѣлъ сѣсть и я вамъ куплю... я вамъ за это куплю полштофъ вина.

— Полтинникъ съ васъ, сударь, дорога тяжелая.

— А то намъ ужъ очень обидно будетъ, вставила бабенка.

— Полтинникъ? Ну, хорошо, полтинникъ. C'est encore mieux, j'ai en tout quarante roubles, mais...

(Т. VII, ч. 3, гл. седьмая, I, стр. 612).

Изд. Маркса, 1894—1895 гг.

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

Е. Гамочкинъ-Гудковская —

(Федоръ Павловичъ Карамизовъ сидитъ за «коньячкомъ» бесѣдовалъ со своими сыновьями Иваномъ и Алексѣемъ. Дѣло коснулось порки мужиковъ и Федоръ Павловичъ разсказалъ объ «остроумномъ» способѣ порки, примѣняемомъ самими мужиками въ Мокромъ).

— Въ Мокромъ я проѣздомъ спрашиваю старика, а онъ мнѣ: «Мы очень, говорить, любимъ пуще

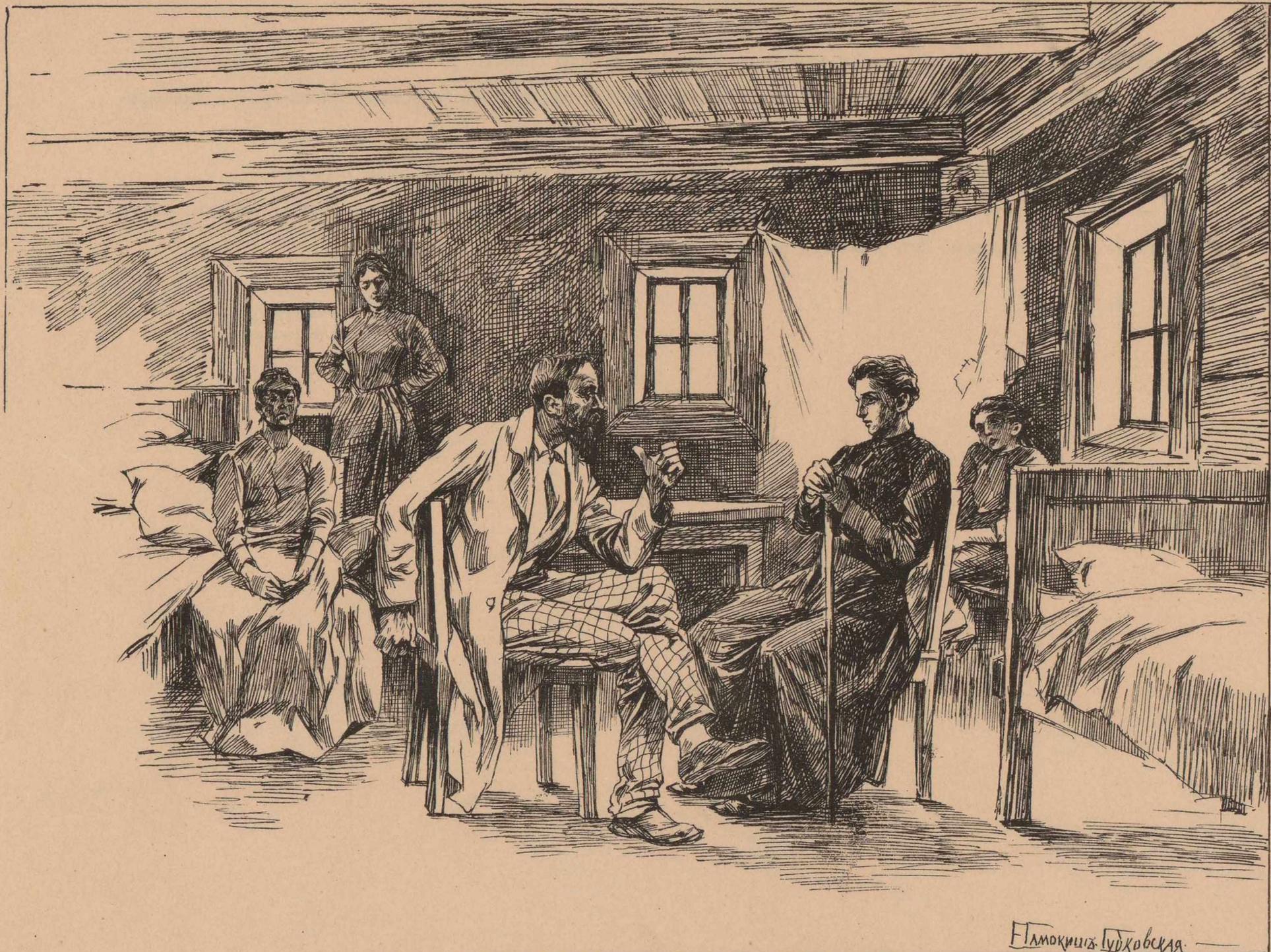
всего дѣвокъ по приговору пороть и пороть даемъ все парнямъ. Послѣ эту-же, которую нонѣ поролъ, завтра парень въ невѣсты беретъ, такъ это оно самимъ дѣвкамъ, говоритъ, у насъ повадно». Каковы маркизы де-Сады, а? А какъ хочешь, оно остроумно. Съѣздить-бы и намъ поглядѣть, а? Алешка, ты покраснѣлъ? Не стыдись, дѣтка.

(Т. I, ч. I, кн. III, гл. VIII, стр. 212, изд. 1881 г.).

Изд. Маркса, 1894—1895 гг.

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

Е. Гамочкинъ Гудковская.

(Алеша Карамазовъ пришелъ для объясненій къ капитану Снегиреву. Тотъ подаль ему стулъ и сѣлъ самъ противъ него).

— Николай Ильичъ Снегиревъ-съ, русской пѣхоты бывшій штабсъ-капитанъ-съ, хоть и посрамленный

своими пороками, но все-же штабсъ-капитанъ. Скорѣе-бы надо сказать: штабсъ-капитанъ Словоерсовъ, а не Снегиревъ, ибо лишь со второй половины жизни сталъ говорить словоерсами. Слово-ерь-съ приобръ-
тается въ униженіи.

— Это такъ точно, усмѣхнулся Алеша, — только невольно приобрътается, или нарочно?

— Видигъ Богъ, невольно. Все не говорилъ, цѣлую жизнь не говорилъ словоерсами, вдругъ упалъ и всталъ съ словоерсами. Это дѣлается вышею силой.

(Т. I, ч. 2, кн. IV, гл. VI, стр. 314, изд. 1881 г.).

Изд. Маркса, 1894—1895 гг.

